

Леонид Кудрявцев

Инспектор снов

Леонид Викторович Кудрявцев

Инспектор снов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128451

Аннотация

Инспектор снов Гунлауг ходит по чужим снам, избавляя детей от кошмаров и придумывая новые чудесные сны. Но ему приходится отправиться в погоню за черным магом, творцом кошмаров, погоню, из которой не возвращался еще ни один инспектор снов...

Содержание

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Леонид Кудрявцев

Инспектор снов

Отцу

С надеждой на встречу,

Когда найду в себе силы уйти

Свернув в переулок, Гунлауг огляделся. Высокие, мрачные стены домов. Мокрая, в свете луны словно смазанная жиром мостовая.

Инспектор снов понюхал воздух.

Да, пахло мерзко. Б-р-р-р...

Он пошел дальше. Холодный ветер ударил в лицо. Где-то вперед, за углом послышался волчий вой.

Гунлауг усмехнулся.

Ну, таких штучек он видел-перевидел.

Белая птица – лоцман взметнулась с его плеча, полетела вперед. Вот она исчезла за углом. Оттуда послышалось щелканье клыков и рычание, но инспектор ничуть не обеспокоился. Его птицу поймать было почти невозможно.

Он уже сворачивал за угол, когда птица спикировала ему на плечо. С ее клюва капала черная кровь.

Ну-ну.

Где-то неподалеку послышался резкий стук, словно откинулась крышка гроба. Из стен ближайших домов стали выдвигаться уродливые мусорные баки. Огромные, с длинными

ми голыми хвостами крысы суетились возле них.

Он не ошибся: именно этот переулок был ему и нужен. Судя по всему, страх жил именно здесь.

Гунлауг вспомнил один из своих снов и тот повис перед ним туманным шариком. Покопавшись в нем, инспектор вытащил украшенный серебром магический жезл.

Прекрасно.

Под ногами Гунлауга хлюпали лужи. Ветер швырял ему в лицо валявшиеся возле стен домов грязные обрывки старых, покрытых каббалистическими знаками пергаментов.

Инспектор представил как боялась идти по этому переулку маленькая девочка и скрипнул зубами. Конечно, ей было чертовски холодно и до невозможности страшно. Страх, довольно ухмыляясь, имитировал тяжелые шаги у нее за спиной. А она не могла заставить себя оглянуться и обмирая шла, шла вперед. Окна мимо которых она проходила, казались девочке жутко зловещими. Страх делала так, что ей чудилось, будто за окнами кто-то прячется. Девочка хотела остановиться и проснуться, но не могла. И шла вперед потому, что так было угодно страху.

Ну, ничего.

Тут Гунлауг почувствовал, что сидевшая у него на плече птица-лоцман голодна. Он остановился и поставил жезл на мостовую. Ласково погладил птицу по голове: острые коготки вцепились в плечо, энергия потекла от него к птице и инспектор снов замер.

Минут через пять нажим коготков ослаб. Плечо слегка ныло.

Это пройдет. Самое главное – птица сыта.

– Уходи! – сказал Гунлауг. – Теперь ты можешь помешать.

Птица благодарно потерлась клювом о его щеку и, сорвавшись с плеча, белым пятном метнулась прочь. Из окна мимо которого она пролетала высунулась кривая, обросшая шерстью лапа, попыталась ее схватить, но, конечно же, промахнулась.

На редкость глупый был этот страх. Прямо на редкость. Что же, дураков и наглецов надо учить.

Крыши домов смыкались над головой, отсекая ночное небо. Там, впереди, не так уж и далеко, клубился туман. Он становился все гуще и гуще, надвигался, пытаясь взять Гунлауга в полукольцо.

Инспектор снов иронически улыбнулся.

Наверное, можно было бы и подождать, но ему не хотелось понапрасну терять время.

Гунлауг вскинул магический жезл. Слепящий луч вырвался из набалдашника, ударил в туман... Запахло горелым мясом и шерстью. Вспышка ослепила и самого инспектора. Подождав, пока глаза не привыкли снова к полутьме, он забросил жезл на плечо, как простую дорожную палку и пошел дальше.

От тумана и крыс не осталось и следа.

Ну вот и все. Тупик. Гунлауг остановился.

Неподалеку, на старой бочке, сидел страх.

– Все-таки пришел... – сказал он.

– А ты разве меня не ждал?

Страх занимался тем, что полировал замшевой тряпочкой свои длинные клыки. Одет он был в побитый молю шерстяной камзол и красные шаровары. На голове – черная шляпа, с полей которой свисала паутина. Лицо узкое, смуглое.

Они помолчали.

– Давай разойдемся по-хорошему, – наконец предложил страх.

Гунлауг отрицательно покачал головой.

– Эх, – вздохнул страх. – А я тут, вроде, неплохо устроился. Обжился. Память у девчонки прекрасная. Приятно с такой работать. Посмотри, – он хлопнул ладонью по стене, возле которой сидел, – какие убедительные стены. Разве можно было бы сделать такую стену, не будь у девчонки хорошей памяти? Дьявол!.. Принесла тебя нелегкая. Теперь ищи нового человека. Невозможно так работать... Вот плюну на все: материализуюсь и пойду работать в какое-нибудь жилищное управление... Слушай, а может мы все-таки сговоримся?

– Но-но!..

– Ты же знаешь: кошмары нужны. Они дают нервную разрядку...

– Время от времени. А ты что-то часто стал останавливаться на одном месте. Не тебя ли я месяц назад предупреждал? Прицепился к мальчонке мельника на целых две неде-

ли...

– А твое какое дело? – окрысился страх. – Ты мне не указ. Испугал, подумаешь. Уничтожить меня ты все равно не сможешь. Ну, будешь гоняться за мной по всему городу, а дальше? Все равно черная стена двинется вперед, и не будет у тебя города, и побежишь ты аж к ледяным гномам, а то и к полосатым пеликанцам. Вот с ними-то не больно повоюешь. Вот там кошмары, так кошмары! А тут – молодец на овец...

– Нет, я тебя все же пару раз прижгу, – сказал Гунлауг и взмахнул жезлом над головой у страха.

Тот испуганно скатился с бочки и сел прямым в лужу. Тотчас же вскочив, страх стал ошарашенно рассматривать свои мокрые шаровары.

– Ты что?! Сдурел?

Гунлауг примерился и снова взмахнул жезлом.

– Нет, нет, я согласен, – поспешно затараторил страх. – Все, решено, я ухожу. Больше не буду ни в ком задерживаться надолго. Только одна ночь, и все.

– Врешь ведь?

Страх уныло взмахнул рукой и сказал:

– Ну, я пошел.

Он еще постоял возле стены, причмокивая и трогая кирпичи, из которых она была сложена, словно не мог налюбоваться на редкостное произведение искусства. Потом тяжело вздохнул и исчез.

Гунлауг с сочувствием подумал, что и у страха жизнь не

сахар.

Ну, да ладно. Инспектор взялся за жезл...

Через полчаса он выжег последние следы страха и огляделся. Нормально!

Чувствуя что устал, искал глазами птицу-лоцмана. Конечно же, она была тут как тут. С радостным пением птица привела его к выходу. Пошарив по карманам, Гунлауг вытащил заранее приготовленное голубоватое зерно счастливого сна. Полюбовавшись изумительной игрой света на его гранях, он бережно положил зерно на землю. Пусть девочка сама вырастит свой счастливый сон. А ему здесь делать больше нечего.

Оглянувшись последний раз, Гунлауг шагнул в реальный мир и оказался на знакомой, окруженной частоколом елей поляне. Прямо перед ним чернел вход в пещеру, где он прожил много лет, и лежала спящая девочка. Во сне она улыбалась.

Честное слово, это было здорово!

Родители девочки суетились вокруг, еще не веря, что с кошмаром покончено, бормотали слова благодарности, предлагали кур и поросят...

Какие, к черту, куры и поросята?

Родители, разбудив девочку, заставили и ее благодарить и кланяться. От этого Гунлаугу стало тошно. А те уже спешили со своим ненаглядным чадом вниз по склону – туда, где у них была привязана запряженная в телегу лошадь. Отец на

ходу все оглядывался и тайком делал знаки от сглаза. А когда телега скрылась за деревьями, Гунлауг повернулся и спотыкаясь, побрел к пещере. Два раза он чуть не упал и, войдя под закопченные своды, рухнул на охапку травы у самого входа. Глаза закрылись сами собой и, успев подумать, что день сегодня все же удачный, Гунлауг нырнул в свой самый лучший и приятный сон...

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Он вернулся из сна довольный и отдохнувший, на губах еще ощущался вкус амброзии...

Вообще, последний месяц дела обстояли лучше некуда. Страхи попадались слабые, кошмары он щелкал словно семечки. Придумалось два новых, прекрасных как пение любимой женщины, и изящных, как брабантские кружева сна. И самое главное, луговые альфы обещали взять его на праздник прощания с летом. Это была большая честь.

Гунлауг искупался в ручье и, дожевывая на ходу свежую булку с маком, которую вытащил из сделанного позавчера сна, остановился возле входа в пещеру. Он потянулся всем своим длинным телом и вдруг замер, сообразив, что ветер дует со стороны Черной Стены. Это был странный ветер. Он нес с собой сладковатый запах гнили.

По-прежнему ярко светило солнце, одуряюще пахли бродячие цветы, и духи давно погибших королей начинали собираться в заброшенной харчевне у старой дороги на восток, и, как всегда, пела вечно нарождающаяся и всегда умирающая алмазная змея...

Но все это странным образом отделилось, отодвинулось в сторону – из-за ветра от Черной Стены, который означал погоню.

По спине Гунлауга потек холодный пот. Он почувствовал,

как что-то или кто-то, невидимый и опасный, поманил его к себе. И исчез, оставив тревогу и недоумение.

Гунлауг пожалел, что в свое время не обзавелся серебряным оружием. Знающие люди говорили: серебро, словно магнит, тянется к черному магу.

К черному магу...

Неторопливо и тщательно инспектор снов навел в пещере порядок, вымел пол, сложил стопочкой магические книги и завалил вход большим камнем. Он подтянул голенища изрядно потертых, но еще крепких сапог, почистил кожаные штаны и кожаную куртку, проверил, удобно ли висит на поясе нож, оглядел поляну, ручей и зубцы елей... Он прощался. Хотя бы потому, что ни один инспектор снов еще не вернулся из погони за черным магом.

Пора в путь.

Над его головой парила белая птица-лоцман. А дальше, по линии горизонта махала крыльями черная птица-лоцман. Лоцман черного мага.

Прикинув, что прошел уже километров пятнадцать, он решил сделать привал и присел на пенек. Птица-лоцман устроилась на березовой ветке и стала чистить перышки клювом.

– Мне бы твои заботы, – вздохнул Гунлауг и, вытащив из какого-то сна горящую сигарету, с удовольствием затянулся.

Интересно, нагнал ли он черного мага хоть чуть-чуть? И вообще, почему этот маг убегает? И как этот маг выглядит?

Не проще ли ему было явившись прямо к пещере, устроить сражение?

Может проще, а может и нет. Кто их знает, черных магов?

Он еще посидел на пеньке, покурил и наконец, двинулся дальше...

Поляна открылась совершенно неожиданно. Посредине нее возвышался безумный пень. Гунлауг узнал его сразу, потому что пень был обращен к нему лицом. Некоторые говорили что он последний представитель давно исчезнувшей цивилизации. Другие – что все как раз наоборот и на самом деле безумный пень – пришелец из будущего. А Гунлаугу было все равно. Вот сны пня его действительно интересовали. Однажды он умудрился проскользнуть в один из них и еле унес ноги. Ужас!

Правда у пня бывали и моменты просветления. Тогда он мог дать вполне дельный совет.

Гунлауг подошел к пню поближе и стал внимательно рассматривать его изъеденную жуками-древоточцами кору, а также кривой, торчавший из нее, как кость, обломок ветки. Как же этот пень здесь оказался? Обычно он стоял на площади в одном из городов и ждал кого-нибудь, кто спросит у него совета. Иногда он таинственным образом переносился в другой город, но и на новом месте тоже оказывался непременно на площади. Страсть у него была к площадям. Что же тогда он делает на поляне, в глухом лесу?...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.